

На правах рукописи

Ильяшенко Екатерина Алексеевна

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ
С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ
ОБЩЕСТВЕННО ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ**

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Краснодар – 2025

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина»

Научный руководитель: доктор юридических наук, доцент
Долгополов Александр Александрович

Официальные оппоненты: **Агапов Павел Валерьевич,**
доктор юридических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики», профессор
департамента уголовного права, процесса и
криминалистики

Бешукова Зарема Муратовна,
доктор юридических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный
университет», профессор кафедры уголовного
права и уголовного процесса

Ведущая организация: **ФГКОУ ВО «Московский университет
Министерства внутренних дел Российской
Федерации имени В. Я. Кикотя»**

Защита диссертации состоится « 27 » ноября 2025 г. в 12⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета 35.2.019.01 на базе ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина» по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус университета, ауд. 215.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке университета и на сайтах: ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина» – www.kubsau.ru и ВАК – <https://vak.minobrnauki.gov.ru>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат юридических наук

Грицаев Сергей Иванович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Важнейшим атрибутом современного мира является информация, различные проявления которой сегодня выступают ценным ресурсом и инструментом. Общеизвестно, что информация позволяет влиять на качество управления многими процессами – политическими, экономическими, социальными. При этом вследствие научно-технического прогресса информация в настоящее время обладает свойством молниеносного распространения.

Конституцией РФ провозглашено, что каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается (ст. 29). В то же время это конституционно значимое благо в последние годы нередко злонамеренно искажается. Масштабность и вредоносность распространения заведомо ложной информации – это новые вызовы современному обществу.

Погруженность общества в информационные процессы предъявляет к информации особые требования, поскольку хаотичное распространение сведений, в том числе недостоверных, в условиях существующего уровня развития социума уже неприемлемо. И если изначально УК РФ 1996 г. предусматривал ответственность только за заведомо ложное сообщение об акте терроризма, то сейчас пределы криминализации фактов распространения заведомо ложной информации расширены за счет установления уголовной ответственности за противоправные манипуляции общественно значимой информацией.

В условиях происходящих трансформаций, которые по своей сути выступают законодательно установленными ограничениями свободы слова, обусловленными необходимостью обеспечения общественной безопасности, актуализируется потребность соблюдения строгого баланса между интересами личности, общества и государства в указанной сфере. Соответствующие нормы уголовного закона, ориентированные на пресечение наиболее общественно опасных случаев распространения недостоверной информации, не должны нарушать конституционно гарантированную свободу слова.

Имеются основания полагать, что законодательные нововведения 2020 г. об установлении уголовной ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации дали начало процессу формирования и становления нового уголовно-правового института охраны населения от недостоверных сведений, способных оказывать существенное влияние на жизнедеятельность общества. При таких обстоятельствах важно обеспечить правоприменителя полными и непротиворечивыми рекомендациями и разъяснениями о применении действующего законодательства в этой сфере. Теории уголовного права предстоит с учетом новейшей следственно-судебной практики разработать научно обоснованные предложения по совершенствованию нормативного регулирования уголовной ответственности за преступления, связанные с распространением заведомо ложной общественно значимой информации.

Изложенные обстоятельства определяют актуальность и социальную значимость проведения специального комплексного исследования проблем уголовно-правового противодействия преступлениям, связанным с распространением заведомо ложной общественно значимой информации.

Степень разработанности темы исследования. В уголовно-правовой науке рассматривались отдельные аспекты уголовно-правовой охраны социально значимой информации (К.К. Грошиков). Ряд работ посвящен проблемам ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма (А.Н. Безрук, А.Б. Коновалова, Г.Л. Куликова, А.А. Магомедова, В.И. Торговченков).

Среди работ последних лет, специально посвященных вопросам уголовной ответственности за преступления, связанные с распространением заведомо ложной общественно значимой информации, следует выделить публикации П.В. Агапова, З.М. Бешуковой, К.В. Вишневецкого, О.Р. Догужовой, Л.В. Дулькиной, А.А. Кашкарова, Н.Ш. Козаева, А.П. Кузнецова, Н.А. Лихачева, З.М. Сизо, Н.А. Табаковой, А.И. Терских. В то же время необходимо отметить, что в них не решен целый ряд важнейших вопросов уголовно-правовой оценки преступлений, связанных с распространением заведомо ложной общественно значимой информации, с учетом законодательных новелл последних лет. Комплексных уголовно-правовых исследований проблем противодействия преступлениям, связанным с распространением заведомо ложной общественно значимой информации, не проводилось.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с совершением преступлений, состоящих в распространении заведомо ложной общественно значимой информации, регламентацией уголовной ответственности за совершение таких преступлений и их уголовно-правовой оценкой.

Предметом диссертационного исследования выступают уголовно-правовые нормы, предусмотренные ст. 207, 207¹, 207², 207³ УК РФ, устанавливающие ответственность за распространение заведомо ложной общественно значимой информации; вопросы дифференциации уголовной ответственности за указанные преступления; проблемы их квалификации; смежное отечественное законодательство; зарубежное уголовное законодательство; материалы правоприменительной практики; статистические данные о рассматриваемых преступлениях; труды специалистов по теме научного исследования.

Цель диссертационного исследования – комплексная разработка уголовно-правовых аспектов противодействия преступлениям, связанным с распространением заведомо ложной общественно значимой информации, научное обоснование перспективных направлений совершенствования уголовного законодательства в этой сфере и практики его применения, получение нового научного знания по поводу совершения рассматриваемых преступлений и противодействия им.

Необходимость достижения указанной цели обусловила постановку и решение следующих **основных задач**:

определить особенности развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации;

сформулировать авторское определение общественно значимой информации как предмета рассматриваемых преступлений;

раскрыть основания и пределы криминализации преступлений, связанных с распространением заведомо ложной общественно значимой информации;

выявить положительный зарубежный опыт уголовно-правового противодействия преступлениям, связанным с распространением заведомо ложной общественно значимой информации;

установить особенности уголовно-правовой характеристики заведомо ложного сообщения об акте терроризма;

раскрыть специфику объективных и субъективных признаков состава публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и состава публичного распространения заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшего тяжкие последствия;

определить отличительные признаки состава публичного распространения заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации;

выявить особенности правоприменительной практики юридической оценки преступлений, связанных с распространением заведомо ложной общественно значимой информации, а также обосновать рекомендации по разграничению данных преступлений между собой и по их отграничению от смежных составов преступлений;

разработать предложения по совершенствованию отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления, связанные с распространением заведомо ложной общественно значимой информации, и практики его применения.

В качестве **нормативной базы диссертационного исследования** выступают Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» и иные нормативные правовые акты. Компаративные аспекты исследования потребовали обращения к зарубежному уголовному законодательству.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили фундаментальные положения отечественной доктрины уголовного права, а также относящиеся к объекту исследования труды в области теории права, социологии, политологии, криминологии. Среди уголовно-правовых публикаций, непосредственно относящихся к теме диссертационного

исследования, необходимо выделить труды П.В. Агапова, З.М. Бешуковой, К.В. Вишневецкого, О.Р. Догузовой, Л.В. Дулькиной, А.А. Кашкарова, А.Г. Кибальника, Н.Ш. Козаева, А.П. Кузнецова, Н.А. Лихачева, С.Л. Нуделя, Ю.Е. Пудовочкина, В.В. Сверчкова, З.М. Сизо, Н.А. Табаковой, А.И. Терских, М.Н. Шипуновой, П.С. Яни.

Эмпирической основой диссертационного исследования выступили статистические данные Главного информационно-аналитического центра МВД России и Судебного Департамента при Верховном Суде РФ; результаты изучения материалов судебной практики, относящейся к теме исследования; 86 уголовных дел о преступлениях, связанных с распространением заведомо ложной общественно значимой информации; данные опроса 160 сотрудников правоохранительных органов (64 судей и их помощников, 70 следователей Следственного комитета Российской Федерации, 26 следователей и дознавателей органов внутренних дел Российской Федерации). При подготовке диссертации использовались результаты исследований, выполненных другими авторами.

Методологической основой диссертационного исследования является общенаучный диалектический метод познания. Специфика объекта и предмета диссертации предопределила необходимость использования ряда частнонаучных методов, характерных для юридических исследований (формально-юридический, системно-структурный, моделирование, логический, сравнительно-правовой, анализ документов, экспертный опрос).

Научная новизна диссертационного исследования определяется выбором темы, которая до настоящего времени не получила необходимой теоретической разработки, а также содержанием основных положений и выводов исследования.

В результате ретроспективного исследования вопросов уголовной ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации определены основные этапы развития данных уголовно-правовых предписаний. Сформулировано авторское определение общественно значимой информации, имеющей уголовно-правовое значение. Дана развернутая характеристика оснований и пределов уголовной ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации, выявлены факторы, обуславливающие общественную опасность этих преступлений. В результате компаративного исследования зарубежного уголовного законодательства об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации установлено, что в европейских странах, позиционирующихся в качестве передовых демократий, регламентирован аналогичный российскому или более строгий подход к уголовной ответственности за совершение таких деяний.

Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с распространением заведомо ложной общественно значимой информации, позволила выявить особенности непосредственных объектов данных преступлений, которыми нарушается информационная безопасность, выступающая компонентом общественной безопасности. Детально проработаны признаки предметов преступлений, связанных с распространением заведомо

ложной общественно значимой информации, определены их отличительные черты. Выявлены унифицированные характеристики объективной стороны преступлений, связанных с распространением заведомо ложной общественно значимой информации. Раскрыто содержание субъективных признаков данных преступлений, на основе материалов судебной практики выявлены проблемные аспекты в этой части.

Исследованы особенности правоприменительной практики юридической оценки преступлений, связанных с распространением заведомо ложной общественно значимой информации. Представлены правила квалификации данных преступлений, в том числе порядок их разграничения со смежными деяниями (с угрозой совершения террористического акта, дискредитацией Вооруженных Сил РФ и др.). Определены основные направления оптимизации отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления, связанные с распространением заведомо ложной общественно значимой информации, в том числе сформулировано предложение о разработке единой универсальной нормы, предусматривающей ответственность за рассматриваемые преступления.

Научную новизну диссертационного исследования подтверждают **основные положения, выносимые на защиту:**

1. История развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления, связанные с распространением заведомо ложной общественно значимой информации, представлена следующими этапами:

1) появление зачаточных предписаний об ответственности за распространение ложной информации со времен Русской правды, где предусматривалась наказуемость деяний, состоящих в ложных обвинениях другого лица;

2) интенсивное развитие уголовно-правовых запретов распространения заведомо ложной общественно значимой информации, отраженное в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., с доведением до уровня регламентации, максимально приближенного к современному, в Уголовном уложении 1903 г.; криминальными в этот период признавались распространение заведомо ложного, способного возбудить общественную тревогу слуха о правительственном распоряжении, общественном бедствии или ином событии; причинение общественной тревоги без каких-либо для этого оснований ударом в набат или иным способом;

3) стагнация в советский период, когда соответствующие положения были представлены нормами об ответственности за антисоветскую пропаганду в различных формах, включая распространение слухов и иной дискредитирующей государственную власть информации;

4) появление в УК РФ 1996 г. нормы об ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма и ее периодическая трансформация;

5) кардинальное изменение уголовного законодательства об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации, обусловленное резонансными общественными процессами в виде пандемии коронавирусной инфекции в 2020 г. и проведения специальной военной операции с 2022 г.

2. Под общественно значимой информацией в уголовном праве необходимо понимать сведения о событиях или фактах, которые касаются неопределенного круга лиц, способны оказывать влияние на их жизнедеятельность и состояние защищенности жизненно важных общественных интересов.

Общественная опасность распространения заведомо ложной общественно значимой информации, выступающая в качестве основания его криминализации, предопределяется следующими факторами:

1) масштабность случаев распространения недостоверной информации, зачастую достигающая уровня инфодемии;

2) дезинформационный характер распространяемых сведений, когда ложные сведения преподносятся под видом достоверной и проверенной информации;

3) способность распространения чувствительной информации вызвать резонанс, подрывающий состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства;

4) молниеносный характер распространения информации, инициирующей страх и панику среди населения;

5) лавинообразное распространение недостоверной общественно значимой информации, которая в дальнейшем транслируется лицами, не осознающими ее ложный характер;

6) причинение в результате распространения заведомо ложной социально значимой информации фактического вреда не только населению, но и в целом обществу и государству, состоящего в дезорганизации деятельности различных учреждений, массовых волнениях, причинении вреда здоровью людей.

3. Наличие уголовно-правового запрета заведомо ложного сообщения об акте терроризма является прочно устоявшейся нормой для законодательства преобладающего большинства государств ближнего зарубежья (УК Республики Таджикистан, УК Азербайджанской Республики, УК Республики Молдова, УК Туркменистана).

Оригинальное предписание закреплено в УК Республики Узбекистан в ст. 244.6 «Распространение ложной информации», в котором ответственность предусмотрена за распространение ложной информации, в том числе в средствах массовой информации, сетях телекоммуникаций или всемирной информационной сети Интернет.

В белорусском уголовном законодательстве под запрет поставлена дискредитация Республики Беларусь, под которой понимается распространение заведомо ложных сведений о политическом, экономическом, социальном, военном или международном положении Республики Беларусь, правовом положении граждан в Республике Беларусь, деятельности государственных органов, дискредитирующих Республику Беларусь (ст. 369.1).

В уголовном законодательстве государств дальнего зарубежья предписания об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации являются весьма распространенными. Так, в ст. 15 УК Швеции содержится практически аналог исследуемых российских

уголовно-правовых норм. Уголовно-правовые запреты ряда европейских стран ориентированы на недопущение распространения паники среди населения, обеспечение общественного спокойствия. При этом законодатель зачастую не закрепляет в качестве условия возникновения ответственности факт ложности распространяемой информации, что демонстрирует весьма широкое содержание такого предписания (§ 266а УК Дании).

Результаты компаративного исследования, с одной стороны, подтверждают обоснованность криминализации распространения заведомо ложной общественно значимой информации, а с другой стороны, свидетельствуют о необходимости установления в российском уголовном законодательстве унифицированной нормы об ответственности за совершение данных преступлений.

4. Обосновано, что угроза совершения террористического акта в целях дестабилизации деятельности органов власти может быть квалифицирована в качестве заведомо ложного сообщения об акте терроризма (ч. 3 ст. 207 УК РФ). Данная уголовно-правовая оценка основана на выявленной правовой коллизии, заключающейся в том, что состав террористического акта (ст. 205 УК РФ) в действующей редакции не предусматривает уголовную ответственность за угрозу его совершения в целях дестабилизации деятельности органов власти, а юридическое содержание состава заведомо ложного сообщения об акте терроризма (ст. 207 УК РФ), наоборот, в настоящее время расширено и включает в себя не только распространение соответствующей заведомо ложной общественно значимой информации, но еще и случаи заведомо ложной угрозы совершения террористического акта в целях дестабилизации деятельности органов власти (ч. 3 ст. 207 УК РФ).

5. На основе буквального толкования уголовного закона опровергнут тезис о том, что только официальная информация может быть признана достоверной. Диспозиция ст. 207¹ УК РФ подобных указаний не содержит. Активно формирующаяся следственно-судебная практика признания критерием достоверности информации ее происхождения из официальных государственных источников представляет собой искаженное понимание признаков состава данного преступления. Обосновано, что под ложной информацией необходимо понимать информацию, противоречащую объективной действительности, независимо от источников ее происхождения.

Указание на ложность распространяемой информации не означает, что все передаваемые сведения должны быть ложными. В современном информационном мире наибольший эффект от ложной информации зачастую достигается при ее тщательной маскировке под истинную, в том числе при смешивании действительных и искаженных сведений.

6. Установление общественно опасных последствий и их причинно-следственной связи с деянием предрешает вопрос о выборе между нормами, предусмотренными ст. 207¹ и 207² УК РФ. В случае причинения по неосторожности вреда здоровью человека, смерти или иных тяжких последствий в результате распространения заведомо ложной общественно значимой информации содеянное подлежит квалификации только по ст. 207² УК РФ.

Вместе с тем деяния, потенциально охватываемые ст. 207² УК РФ, при неустановлении общественно опасных последствий квалифицируются по ст. 207¹ УК РФ. При таких обстоятельствах очевидно, что уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 207² УК РФ, по сути, выполняет роль нормы, содержащей квалифицированный вид преступления, закрепленного в ст. 207¹ УК РФ.

7. Отношения, складывающиеся в связи с обеспечением общественной безопасности, образуют основной непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 207³ УК РФ. Нарушение общественной безопасности в данном случае проявляется в создании панических настроений. Распространение заведомо ложной информации о неконституционном применении Вооруженных Сил РФ способно вызвать беспокойство среди населения, пошатнуть уверенность в защищенности нашего государства.

Распространение заведомо ложной информации о деятельности Вооруженных Сил РФ непременно оказывает соответствующее дискредитирующее воздействие. В итоге, наряду с нарушением общественной безопасности, негативному воздействию подвергаются общественные отношения, возникающие по поводу поддержания авторитета и уважения Вооруженных Сил РФ. Данные общественные отношения образуют дополнительный непосредственный объект состава преступления, предусмотренного ст. 207³ УК РФ.

8. При одновременном наличии в содеянном признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 207 и 207¹ УК РФ, применение данных норм по совокупности недопустимо, поскольку это будет нарушением принципа справедливости, исключающего возможность двойной уголовно-правовой оценки одного деяния. Выбор в этом случае надлежит сделать в пользу нормы об ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма, так как в ней детализирован предмет преступления – это общественно значимая информация о предстоящем взрыве, поджоге и т. п. Кроме того, состав заведомо ложного сообщения об акте терроризма охватывает своим содержанием хулиганские побуждения либо цель дестабилизации деятельности органов власти, а при совершении преступления, предусмотренного ст. 207¹ УК РФ, такие признаки отсутствуют.

9. Несмотря на возможность полного совпадения предмета преступления и его объективной стороны, а также субъективных признаков, уголовно-правовые нормы, предусмотренные ст. 207³ и ст. 280³ УК РФ, не могут быть признаны находящимися в отношениях конкуренции, поскольку данные преступления посягают на разные объекты правовой охраны. Они не соотносятся как часть и целое, а также не образуют признаков конкуренции общей и специальной нормы. Дискредитация и распространение заведомо ложной информации имеют совершенно различное социально-правовое содержание. В связи с этим преступления, предусмотренные ст. 207³ и ст. 280³ УК РФ, при одновременном наличии совпадающих признаков подлежат квалификации по совокупности. Причем вполне допустима констатация идеальной совокупности преступлений, когда одно деяние образует признаки двух составов преступлений.

10. Уголовно-правовое предписание, сформулированное в ст. 207 УК РФ, требует корректировки в целях устранения неоправданного сужения объема действия этой нормы, заключающегося в указании в качестве составообразующего признака на специальный мотив – хулиганские побуждения (ч. 1) или специальную цель – дестабилизацию деятельности органов власти (ч. 3). Одновременно в изменении нуждается существующая законодательная конструкция ч. 2 ст. 207 УК РФ, в соответствии с которой квалифицирующие признаки в виде совершения данного преступления в отношении объектов социальной инфраструктуры либо с причинением крупного ущерба относятся только к преступлению, регламентированному ч. 1 ст. 207 УК РФ (проект новой редакции ст. 207 УК РФ изложен в тексте автореферата и диссертации).

11. Обосновано предложение об объединении исследуемых однородных предписаний в единый уголовно-правовой запрет, так как это будет способствовать формированию системных мер уголовно-правового противодействия преступлениям. Конструирование единой уголовно-правовой нормы об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации позволит использовать ее вместо уголовно-правовых норм, предусмотренных ст. 207¹–207³ УК РФ. Целесообразность унификации данных предписаний подтверждается их уголовно-правовой характеристикой, свидетельствующей о том, что каждое из перечисленных преступлений представляет собой частный случай публичного распространения заведомо ложной общественно значимой информации. Их отличительными особенностями являются предмет преступления (различные типы информации) и некоторые признаки объективной стороны, которые могут быть сохранены в единой уголовно-правовой норме (проект новой единой нормы, предлагаемой к закреплению в ст. 207¹ УК РФ, изложен в тексте автореферата и диссертации). Одновременно ст. 207² и 207³ УК РФ потребуется исключить из российского уголовного законодательства.

Теоретическая значимость результатов диссертационного исследования заключается в том, что они развивают и углубляют доктринальные представления о преступлениях, связанных с распространением заведомо ложной общественно значимой информации, их квалификации, определяют направления для дальнейших исследований проблем уголовно-правового противодействия данным общественно опасным деяниям и тем самым обогащают уголовно-правовую науку. Положения и выводы исследования могут выступать в качестве теоретической базы для совершенствования уголовного законодательства, постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и правоприменительной практики.

Практическая значимость диссертационного исследования выражается в том, что оно создает основу для разрешения сложных правоприменительных проблем, возникающих при уголовно-правовой оценке преступлений, связанных с распространением заведомо ложной общественно значимой информации. Результаты исследования могут быть использованы: при совершенствовании уголовного законодательства Российской Федерации, в праворазъяснительной деятельности Верховного Суда Российской Федерации, при повышении

эффективности практики применения норм о преступлениях, связанных с распространением заведомо ложной общественно значимой информации, в учебном процессе высших образовательных организаций, в процессе повышения квалификации сотрудников правоприменительных органов.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования обсуждались в рамках научно-представительских мероприятий различного уровня: IV Международной научной конференции «Государство и право: проблемы и перспективы совершенствования» (ЮЗГУ, Курск, 19 ноября 2021 г.), XIII Российского конгресса уголовного права «Уголовное право в системе межотраслевых связей: проблемы теории и правоприменения» (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 26–27 мая 2022 г.), X Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона» (РГУП им. В.М. Лебедева, Москва, 10 ноября 2022 г.), Международной научно-практической конференции «Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные механизмы обеспечения экономической безопасности» (ИЗиСП, Москва, 16 декабря 2022 г.), III Саратовского юридического форума «Законотворческая политика и правоприменение в современной России» (СГЮА, Саратов, 9 июня 2023 г.), XI Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона» (РГУП им. В.М. Лебедева, Москва, 15 ноября 2023 г.), VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы борьбы с преступностью» (Кубанский ГАУ, Краснодар, 23 ноября 2023 г.), XXI Международной научно-практической конференции «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке» (МГЮА им. О.Е. Кутафина, Москва, 25–26 января 2024 г.), Международной научно-практической конференции «Институциональные основы уголовного права Российской Федерации: к 70-летию юбилею профессора В.П. Коняхина» (КубГУ, Краснодар, 1–2 февраля 2024 г.), XIV Российского конгресса уголовного права «Общественная опасность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии» (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 30–31 мая 2024 г.), IV Саратовского юридического форума «Роль права в обеспечении национальной безопасности современной России» (СГЮА, Саратов, 7 июня 2024 г.), Международной научно-практической конференции «Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы» (Академия управления МВД России, Москва, 27 сентября 2024 г.), XII Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона» (РГУП им. В.М. Лебедева, Москва, 20 ноября 2024 г.).

Результаты диссертационного исследования отражены в 17 научных статьях, 9 из которых опубликованы в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России.

Положения диссертации используются в учебном процессе Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Кубанского государственного университета и Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина,

внедрены в практическую деятельность Четвертого кассационного суда общей юрисдикции, Прокуратуры г. Севастополя, Главного управления МВД России по Краснодарскому краю и Главного управления МВД России по Ставропольскому краю.

Степень достоверности результатов диссертационного исследования определяется использованием надлежащей методологической основы, адекватной поставленным задачам и обеспечивающей всесторонность и объективность исследования, соблюдением методологических требований теории уголовного права, а также репрезентативной эмпирической базой. Теоретические выводы диссертации построены на новых и проверяемых данных, которые согласуются с иными опубликованными работами по теме исследования.

Структура диссертации определяется ее целью, поставленными задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, объединяющих девять параграфов, заключения, списка литературы и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования и степень ее научной разработанности, формулируются объект, предмет, цель и задачи, характеризуются нормативная, теоретическая и эмпирическая основы диссертации, раскрываются методологическая основа, методы и научная новизна работы, излагаются положения, выносимые на защиту, определяется теоретическая и практическая значимость результатов диссертационного исследования, приводятся сведения об их апробации и степени достоверности.

Первая глава **«Теоретико-правовые основы уголовной ответственности за преступления, связанные с распространением заведомо ложной общественно значимой информации»** состоит из трех параграфов.

В первом параграфе **«Ретроспективный анализ отечественного уголовного законодательства об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации»** раскрывается исторический опыт развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за распространение заведомо ложной информации. Данный уголовно-правовой запрет эволюционировал в зависимости от конкретной политической обстановки в государстве. Начиная свой путь как устрашение и запугивание, в настоящее время институт уголовной ответственности за распространение заведомо ложной информации направлен на защиту личности, охрану ее прав и свобод.

Зачаточные проявления нормативного закрепления некоторых признаков деяний, выражающихся в распространении заведомо ложной общественно значимой информации, прослеживаются уже в отдельных положениях Русской правды, где предусматривалась наказуемость деяний, состоящих в ложных обвинениях другого лица.

Значимый этап развития законодательных положений об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации отражен в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. В ст. 296

данного памятника права регламентировалась ответственность за составление и распространение каких-либо писем или сочинений, публичное выступление или распускание ложных слухов с намерением склонить к противодействию или сопротивлению властям. В качестве квалифицированного вида данного преступления предусматривалось его совершение, повлекшее важное нарушение установленного порядка.

Такое деяние представляет собой специальный вид распространения общественно значимой информации, имеющий политическую составляющую. Очевидно, что данным уголовно-правовым запретом достигается главная цель в виде обеспечения нормального функционирования действующей власти. Предметом анализируемого преступления может выступать как истинная, так и ложная информация.

Оригинальная норма предусматривалась в ст. 329 Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. В ней закреплена ответственность за публичное выступление, совершенное без разрешения компетентных властей. При этом если по своему содержанию распространяемая информация не является противоправной, аморальной и ни для кого не оскорбительна, то содеянное образует основной состав данного преступления.

В свою очередь, публичное выступление без разрешения компетентных властей, противоречащее требованиям закона, нравственности, приличию или же являющееся оскорбительным, а равно способное причинить вредные последствия, образует квалифицированный вид преступления.

Наиболее приближенными по смысловому содержанию относительно действующих уголовно-правовых запретов в сфере противодействия распространению заведомо ложной общественно значимой информации являются нормы Уголовного уложения 1903 г., в ст. 263 которого наказуемыми признавались следующие деяния:

распространение заведомо ложного, способного возбудить общественную тревогу слуха о правительственном распоряжении, общественном бедствии или ином событии;

причинение общественной тревоги без каких-либо для этого оснований ударом в набат или иным способом.

Уголовно-правовые запреты в сфере противодействия распространению заведомо ложной общественно значимой информации в советский период представлены нормами об ответственности за антисоветскую пропаганду в различных формах, включая распространение слухов и иной дискредитирующей государственную власть информации.

Отдельный этап развития рассматриваемого института характеризовался появлением в УК РФ 1996 г. нормы об ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ) и ее периодической трансформацией.

Стимулом для кардинального изменения уголовного законодательства об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации выступили резонансные общественные процессы в виде пандемии коронавирусной инфекции в 2020 г. и проведения специальной военной операции

с 2022 г. Следствием этих процессов выступили соответствующие уголовно-правовые предписания, обладающие, несмотря на определенную казуистичность, потенциалом действия за рамками общественных процессов, обусловленных пандемией и специальной военной операцией.

Во втором параграфе **«Основания и пределы криминализации преступлений, связанных с распространением заведомо ложной общественно значимой информации»** делается вывод, что уголовно-правовым значением может обладать важная для общества информация, т. е. сведения о событиях или фактах, которые касаются неопределенного круга лиц, способны оказывать влияние на их жизнедеятельность и состояние защищенности жизненно важных общественных интересов.

Информация является наиболее ценным ресурсом в современном мире, что позволяет оказывать непосредственное влияние на человека. При этом особую озабоченность вызывают факты распространения информации, не соответствующей действительности. Активный рост объема распространяемой недостоверной информации (фейковых сведений), по мнению Всемирной организации здравоохранения, приобрел масштабы инфодемии.

Дезинформация в различных ее проявлениях для человечества не является чем-то новым и необычным, но проблема заключается в том, что именно в свете существующего уровня развития информационного общества распространение заведомо ложной информации приобрело качественно иное значение. Объясняется это не только молниеносным характером распространения информации, но и такими явлениями, выделяемыми современными психологами, как таргетирование информации, информационный пузырь и т. п., в результате чего дезинформация может быть представлена под видом достоверных и проверенных сведений.

Распространение информации, являющейся «чувствительной» для общества (например, о готовящемся акте терроризма), или иных заведомо ложных сведений, способных вызвать резонанс, непременно подрывает состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства. Правдоподобность распространяемой информации такого рода вызывает панику и страх в обществе. В таком состоянии люди способны на необдуманные поступки, массовый характер которых может обладать вредоносным воздействием.

Общественная опасность поведения, состоящего в распространении заведомо ложной социально значимой информации, наглядно проявилась в условиях пандемии коронавирусной инфекции Covid-19. Причем соответствующие проявления носили многоплановый характер. В качестве примера можно привести факты распространения информации о вреде вакцинации. В итоге значительная доля населения оказывалась во власти зачастую недостоверной информации о научно обоснованных способах профилактики опасных инфекционных заболеваний.

Распространение заведомо ложной общественно значимой информации характеризуется способностью молниеносного подрыва общественной безопасности: состояние защищенности нарушается посредством быстрой,

а порой практически мгновенной передачи информации, инициирующей страх и панику среди населения.

Данное криминальное поведение способно оказывать серьезное влияние на действия или бездействие неопределенного круга лиц. В этом ракурсе возможно действие эффекта толпы, когда первые адресаты заведомо ложной информации не только распространяют ее дальше, но и, поддавшись влиянию, начинают склонять других лиц к варианту навязанного им поведения. Эти процессы могут иметь лавинообразный характер, когда число «пораженных» ложной информацией увеличивается в геометрической прогрессии.

Общественная опасность распространения заведомо ложной социально значимой информации определяется также разноуровневым характером адресатов соответствующего воздействия. В результате распространения фейковой информации фактический вред причиняется не только населению, но и в целом обществу и государству в виде дезорганизации деятельности различных учреждений, массовых волнений, причинения вреда здоровью людей.

В третьем параграфе *«Компаративное исследование зарубежного уголовного законодательства об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации»* подчеркивается, что наличие уголовно-правового запрета заведомо ложного сообщения об акте терроризма является прочно устоявшейся нормой для законодательства преобладающего большинства государств ближнего зарубежья (УК Республики Таджикистан, УК Азербайджанской Республики, УК Республики Молдова, УК Туркменистана).

Оригинальное предписание закреплено в УК Республики Узбекистан в ст. 244.6 «Распространение ложной информации», в котором ответственность предусмотрена за распространение ложной информации, в том числе в средствах массовой информации, сетях телекоммуникаций или всемирной информационной сети Интернет. В данном случае можно усмотреть признаки общей нормы об ответственности за публичное распространение информации.

В рамках самостоятельной нормы уголовного закона Республики Узбекистан предусмотрена ответственность за распространение не соответствующих действительности сведений о распространении карантинных и других опасных для человека инфекций (ст. 244.5). Такое преступление по своей сути представляет собой частный случай распространения заведомо ложной общественно значимой информации, обусловленный ситуациями эпидемий и пандемий.

В белорусском уголовном законодательстве под запрет поставлена дискредитация Республики Беларусь, под которой понимается распространение заведомо ложных сведений о политическом, экономическом, социальном, военном или международном положении Республики Беларусь, правовом положении граждан в Республике Беларусь, деятельности государственных органов, дискредитирующих Республику Беларусь (ст. 369.1). В сравнении с отечественными предписаниями об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации данный уголовно-правовой запрет в большей степени политизирован. Кроме того, соответствующее

белорусское предписание является более объемным по своему содержанию. Во-первых, в нем речь ведется не только об обстоятельствах, создающих угрозу жизни или здоровью граждан, во-вторых, для привлечения к уголовной ответственности не требуется фактического наступления каких-либо последствий, как это необходимо для квалификации по ст. 207² УК РФ.

В уголовном законодательстве государств дальнего зарубежья предписания об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации являются весьма распространенными. Так, в ст. 15 УК Швеции содержится практически аналог исследуемых российских уголовно-правовых норм.

В Законе об уголовном праве Израиля регламентируется ответственность за пораженческую агитацию (ст. 103). В указанной норме ответственность установлена для того, «кто с намерением причинить панику в обществе распространил во время военных действий сведения, которые могут подорвать моральный настрой военнослужащих и жителей Израиля в их противостоянии врагу». В данном уголовно-правовом предписании имеется три узловых аспекта. Во-первых, работа этой нормы ограничивается периодом военных действий. Во-вторых, законодатель связывает возникновение уголовной ответственности с появлением паники в обществе. В-третьих, израильский законодатель не обуславливает уголовную ответственность по ст. 103 Закона об уголовном праве Израиля фактом ложности информации.

Уголовно-правовые запреты ряда европейских стран ориентированы на недопущение распространения паники среди населения, обеспечение общественного спокойствия. При этом законодатель зачастую не закрепляет в качестве условия возникновения ответственности факт ложности распространяемой информации, что демонстрирует весьма широкое содержание такого предписания (§ 266а УК Дании).

Результаты компаративного исследования, с одной стороны, подтверждают обоснованность криминализации распространения заведомо ложной общественно значимой информации, а с другой стороны, свидетельствуют о необходимости установления в российском уголовном законодательстве унифицированной нормы об ответственности за совершение данных преступлений.

Вторая глава **«Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с распространением заведомо ложной общественно значимой информации»** состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе **«Заведомо ложное сообщение об акте терроризма»** отмечается, что общественная безопасность как объект уголовно-правовой охраны подвергается серьезному нарушению вследствие террористической деятельности. В то же время обоснованные сомнения возникают в части возможности такого же вывода в случаях заведомо ложного сообщения об акте терроризма. Ведь в действительности обозначенное состояние защищенности не подвергается какому-либо негативному воздействию. И даже ошибочное восприятие соответствующего ложного заявления об акте терроризма неопределенным кругом лиц не позволяет констатировать в классическом понимании нарушение общественной

безопасности, которая фактически остается неизменной. Вместе с тем заведомо ложное сообщение об акте терроризма не создает и угрозы нарушения общественной безопасности.

Общественный порядок зачастую нарушается в результате совершения преступления, регламентированного ст. 207 УК РФ. В этом ракурсе уместно упомянуть и общественное спокойствие, и упорядоченное функционирование государственных органов, различных организаций и учреждений. В случае совершения анализируемого преступления из хулиганских побуждений вопросы нарушения общественного порядка выдвигаются на первый план. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма в подобной ситуации предполагает выражение волеизъявления виновного нарушить общественные устои и уклады, противопоставить себя окружающим, не принимая во внимание возможные последствия подобного поступка.

Заведомо ложное сообщение об акте терроризма в современных условиях едва ли способно дестабилизировать деятельность органов власти. Ведь в последние годы общество и государство уже в целом относительно спокойно воспринимают факты заведомо ложного сообщения об акте терроризма. Конечно же, наличие указанной цели в совершенном лицом деянии отнюдь не требует фактической дестабилизации деятельности органов государственной власти. В данных условиях в результате совершения исследуемого преступления также не будут усматриваться признаки нарушения общественной безопасности. Все это в большей мере свидетельствует о посягательстве на общественный порядок, на сложившиеся в обществе уклады повседневной жизнедеятельности.

Вследствие заведомо ложного сообщения об акте терроризма в первую очередь страдает состояние информационной защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Иными словами, рассматриваемое деяние посягает на информационную безопасность неопределенного круга лиц, т. е. на общественную информационную безопасность. Полагаем, что такое общественное благо в современных реалиях условно можно признать компонентом общественной безопасности.

Таким образом, заведомо ложное сообщение об акте терроризма посягает на общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением общественной информационной безопасности. В качестве дополнительных объектов данного преступления могут выступать жизнь и здоровье человека, собственность, порядок управления и т. д.

Смысловое содержание телефонного терроризма в настоящее время расширено и включает в себя не только распространение соответствующей заведомо ложной общественно значимой информации, но еще и случаи заведомо ложной угрозы совершения террористического акта в целях дестабилизации деятельности органов власти (ч. 3 ст. 207 УК РФ). Согласно положениям действующего российского уголовного законодательства угроза совершения террористического акта в целях дестабилизации деятельности органов власти образует признаки телефонного терроризма и подлежит квалификации по ч. 3 ст. 207 УК РФ. В то же время представляется недопустимым отождествлять угрозу терроризмом и соответствующее заведомо ложное

сообщение о нем. Равным образом является необоснованным одновременное размещение в рамках ч. 1 ст. 205 УК РФ предписаний об ответственности за фактически совершенный террористический акт и за угрозу его совершения.

Заведомо ложное сообщение об акте терроризма зачастую совершается из хулиганских побуждений. При этом очевидно, что наличие такой мотивации не характерно для всех без исключения случаев совершения рассматриваемого преступления. В этих условиях усматривается определенное сужение пределов криминализации заведомо ложного сообщения об акте терроризма, ведь анализируемое общественно опасное деяние может совершаться из личных неприязненных отношений. Такая мотивация традиционно исключает наличие хулиганских побуждений.

Заведомо ложное сообщение об акте терроризма на объектах социальной инфраструктуры может быть квалифицировано по ч. 2 ст. 207 УК РФ только при условии совершения таких действий из хулиганских побуждений. Таким образом, признаки совершения анализируемого преступления в отношении объектов социальной инфраструктуры, а также причинение в результате заведомо ложного сообщения об акте терроризма крупного ущерба являются квалифицирующими обстоятельствами только применительно к деянию, запрещенному ч. 1 ст. 207 УК РФ.

Уголовный закон не связывает понятие объектов социальной инфраструктуры исключительно с организациями и учреждениями, поскольку прямо указывает на открытый перечень, включающий иные объекты социальной инфраструктуры. В связи с этим недопустимо признание объектом социальной инфраструктуры, например, индивидуального жилого дома, так как это персональное жилище, никак не связанное с общественными интересами и взаимоотношениями. Другое дело, если речь ведется о многоквартирном жилом доме – такие объекты практически всегда характеризуются наличием общественных пространств, наряду с жилыми помещениями. Рассматривая подобные объекты в комплексе, возможно идентифицировать их в качестве объектов, ориентированных на обеспечение общественных интересов, т. е. объектов социальной инфраструктуры.

Во втором параграфе *«Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан»* указывается на то, что непосредственный объект состава преступления, регламентированного ст. 207¹ УК РФ, образуют общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением общественной безопасности (основной непосредственный объект), и общественные отношения, возникающие по поводу обеспечения психологического здоровья населения (дополнительный непосредственный объект).

Предмет состава преступления, предусмотренного ст. 207¹ УК РФ, должен отвечать сложной структуре взаимосвязанных требований: информация должна быть ложной, преподноситься под видом достоверной и касаться определенных обстоятельств, свидетельствующих об опасности. Отсутствие какого-либо из перечисленных признаков исключает квалификацию содеянного по ст. 207¹ УК РФ.

Имеющееся в уголовно-правовой науке мнение о том, что только официальная информация может быть признана достоверной, не основано на буквальном толковании уголовного закона. Диспозиция ст. 207¹ УК РФ подобных указаний не содержит. Практика, как правило, показателем достоверности информации считает ее происхождение из официальных государственных источников. Например, гипотетически можно представить ситуацию, при которой лицо выступало очевидцем определенных событий и в дальнейшем распространило сведения о них. В таком случае, даже если его информация не будет совпадать с официальной, признаки состава данного преступления отсутствуют. Таким образом, под ложной информацией необходимо понимать информацию, противоречащую объективной действительности, независимо от источников ее происхождения.

Указание на ложность распространяемой информации не означает, что все передаваемые сведения должны быть ложными. В современном информационном мире наибольший эффект от ложной информации зачастую достигается при ее тщательной маскировке под истинную, в том числе при смешивании действительных и искаженных сведений.

Оригинальным признаком анализируемого преступления является указание на необходимость придания распространяемой информации вида достоверной. Эта цель достигается, как правило, ссылкой на источник происхождения конкретной информации (например, указание на то, что информация якобы получена от должностных лиц органов государственной власти). Альтернативным способом придания достоверного вида предмету рассматриваемого преступления является оформление сведений как официальных, исходящих от компетентных субъектов. Следовательно, если распространяемая информация преподносится как достоверная, но в подтверждение достоверности не предъявляются какие-нибудь из перечисленных обстоятельств, то содеянное исключает квалификацию по ст. 207¹ УК РФ.

Распространение каких-либо оценочных суждений, обсуждение проблем, размышление о них не может квалифицироваться в качестве распространения заведомо ложной информации. Неотъемлемой характеристикой ложности информации является то, что она представляет собой утверждения о фактах. Только в таком случае можно констатировать распространение заведомо ложной информации.

В третьем параграфе **«Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия»** отмечается, что основной непосредственный объект состава распространения ложной информации, предусмотренного ст. 207² УК РФ, образуют общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением общественной безопасности.

Особенностью преступления, установленного ст. 207² УК РФ, являются его общественно опасные последствия в виде вреда здоровью человека, смерти или иных тяжких последствий. Наличие таких последствий в качестве обязательного признака состава преступления обуславливает необходимость выделения соответствующего дополнительного объекта в виде жизни и

здоровья человека, а также собственности, нормальной деятельности различных организаций, учреждений, транспорта и т. д.

Публичность распространения общественно значимой информации может быть установлена только в случаях передачи информации неопределенному кругу лиц либо определенной группе, но состоящей из множества лиц, не находящихся в родственно-семейных связях или в иных близких отношениях.

Наличие в числе обязательных признаков объективной стороны вреда здоровью человека, смерти или иных тяжких последствий существенно осложняет применимость данного уголовно-правового предписания. Проблема состоит в том, что весьма сложно установить причинно-следственную связь между деянием, состоящим в распространении фейковой информации, и обозначенными общественно опасными последствиями, особенно если вести речь о вреде здоровью или смерти человека. Что же касается иных тяжких последствий, то в тексте уголовного закона их понимание не раскрывается, поэтому установление данных общественно опасных последствий зависит от конкретных обстоятельств дела. Например, признаки тяжких последствий могут образовывать серьезные транспортные сбои, нарушения логистических цепочек, отток населения и т. п. Имеются основания полагать, что такие последствия в большей степени присущи фактам распространения ложной общественно значимой информации и, несмотря на определенные сложности, потенциально может быть установлена причинно-следственная связь между деянием и соответствующими общественно опасными последствиями.

Установление общественно опасных последствий и их причинно-следственной связи с деянием предreshает вопрос о выборе между нормами, предусмотренными ст. 207¹ и 207² УК РФ. Верховным Судом РФ дано однозначное разъяснение о том, что в случае причинения по неосторожности вреда здоровью человека, смерти или иных тяжких последствий в результате распространения заведомо ложной общественно значимой информации содеянное подлежит квалификации только по ст. 207² УК РФ.

Вместе с тем изложенные разъяснения при неустановлении общественно опасных последствий позволяют квалифицировать деяния, потенциально охватываемые ст. 207² УК РФ, по ст. 207¹ УК РФ. При таких обстоятельствах очевидно, что уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 207² УК РФ, по сути, выполняет роль нормы, содержащей квалифицированный вид преступления, закрепленного ст. 207¹ УК РФ. Целесообразность такого законодательного решения вызывает обоснованные сомнения, особенно во взаимосвязи с фактической неприменяемостью рассматриваемого уголовно-правового предписания.

В четвертом параграфе *«Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации»* указывается, что отношения, складывающиеся в связи с

обеспечением общественной безопасности, образуют основной непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 207³ УК РФ. Нарушение общественной безопасности в данном случае проявляется в создании панических настроений. Распространение заведомо ложной информации о неконституционном применении Вооруженных Сил РФ способно вызвать беспокойство среди населения, пошатнуть уверенность в защищенности нашего государства.

Распространение заведомо ложной информации о деятельности Вооруженных Сил РФ непременно оказывает соответствующее дискредитирующее воздействие. В итоге, наряду с нарушением общественной безопасности, негативному воздействию подвергаются общественные отношения, возникающие по поводу поддержания авторитета и уважения Вооруженных Сил РФ. Данные общественные отношения необходимо признать дополнительным непосредственным объектом состава преступления, предусмотренного ст. 207³ УК РФ.

Групповой способ распространения ложной информации о деятельности Вооруженных Сил РФ по общему правилу подразумевает наличие не менее двух соисполнителей. Следовательно, квалификация по п. «б» ч. 2 ст. 207³ УК РФ возможна только в случаях, когда два или более лица согласованно распространяют заведомо ложную информацию о деятельности Вооруженных Сил РФ. По нашему мнению, это возможно, например, в случаях одновременного участия в выступлении на телевидении или в интернет-эфире (с использованием стриминговых платформ, социальных сетей и т. п.) двух или более лиц. Согласованное публичное выступление двух или более лиц, как правило, внушает большее доверие аудитории. Отсюда можно констатировать и повышенную общественную опасность рассматриваемого деяния при групповом способе его совершения.

В существующем виде квалифицированного состава распространения заведомо ложных сведений о деятельности Вооруженных Сил РФ, совершенного с искусственным созданием доказательств обвинения (п. «в» ч. 2 ст. 207³ УК РФ), происходит смешение таких традиционных для отечественного уголовного права деяний, как клевета (распространение заведомо ложных сведений) и заведомо ложный донос. В последнем составе преступления присутствует аналогичный квалифицирующий признак «с искусственным созданием доказательств обвинения» (ч. 3 ст. 306 УК РФ). Только социально-юридическая сущность заведомо ложного сообщения о деятельности Вооруженных Сил РФ очевидно не предопределена попыткой привлечения кого-либо к ответственности, а состоит в дискредитации Вооруженных Сил РФ, иных государственных структур и добровольческих формирований.

Традиционный для современного российского уголовного законодательства квалифицирующий признак в виде совершения преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (п. «д» ч. 2 ст. 207³ УК РФ), очевидно, включен в текст ст. 207³ УК РФ без необходимой адаптации.

В частности, сложности возникают в связи с трактовкой применительно к исследуемому преступлению возможности его совершения, например, по мотиву национальной или религиозной ненависти или вражды. Ведь если речь ведется о Вооруженных Силах РФ, то они не отличаются какой-либо одной национальностью или религией. Что же касается побуждений, основанных на политике, идеологии либо ненависти или вражде в отношении какой-либо социальной группы, то эти признаки вполне могут присутствовать при совершении анализируемого преступления.

Третья глава **«Основные пути повышения эффективности уголовно-правового противодействия преступлениям, связанным с распространением заведомо ложной общественно значимой информации»** состоит из двух параграфов.

В первом параграфе **«Особенности квалификации преступлений, связанных с распространением заведомо ложной общественно значимой информации»** доказывается, что существующие уголовно-правовые предписания об ответственности за преступления, состоящие в распространении заведомо ложной социально значимой информации, в определенных ситуациях могут находиться в отношениях конкуренции общей и специальной нормы. Самой широкой по своему содержанию является норма, предусмотренная ст. 207¹ УК РФ, специальными по отношению к которой могут выступать нормы ст. 207 и 207³ УК РФ.

Дополнительные непосредственные объекты общественно опасного деяния, предусмотренного ст. 207² УК РФ, выступают в качестве разграничительных признаков, поскольку при наличии соответствующих последствий охватывают фактически причиненный вред жизни, здоровью человека и иным охраняемым уголовным законом отношениям.

Несмотря на то, что теоретически предмет состава преступления, предусмотренного ст. 207² УК РФ, в виде общественно значимой информации подразумевает несколько более широкое содержание в сравнении с таковым в ст. 207¹ УК РФ, разграничить их практически невозможно. По нашему мнению, допустимо утверждение о равнозначности обозначенных предметов преступления.

Общественно опасное деяние, запрещенное ст. 207³ УК РФ, отличается от преступления, регламентированного ст. 207¹ УК РФ, то, что оно совершается в отношении информации, связанной с дискредитацией Вооруженных Сил РФ. Как видно, такая информация не отвечает требованиям, содержащимся в примечании к ст. 207¹ УК РФ. По крайней мере, отсутствует прямая и непосредственная угроза соответствующим ценностям. Иначе представлен и объект состава преступления, предусмотренного ст. 207³ УК РФ, который предопределен не только общественной безопасностью, но и авторитетом деятельности органов государственной власти РФ.

Предмет состава заведомо ложного сообщения об акте терроризма представлен в уточненном виде в сравнении с предметом преступления, предусмотренного ст. 207¹ УК РФ. В первом случае это не любая общественно значимая информация, а исключительно сведения, имеющие отношение к терроризму. Аналогичным образом соотносятся и предмет ложного сообщения

о терроризме с предметом преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 207² УК РФ. В свою очередь, предмет состава ложного сообщения о терроризме различается с предметом преступления, предусмотренного ст. 207³ УК РФ, содержанием соответствующей информации, которая не имеет схожих черт.

Анализируемые преступления отличаются между собой не только конструкцией объективной стороны состава преступления, но и отдельными признаками деяний. В частности, идентично описаны деяния в преступлениях, предусмотренных ст. 207¹, 207² и 207³ УК РФ: это публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной общественно значимой информации. И только в общественно опасном деянии, указанном в ст. 207 УК РФ, не требуется наличия признаков публичности распространения соответствующей заведомо ложной информации.

Неодинаковым образом реализован законодательный подход к исследуемым составам преступлений в части установления признаков субъекта. Новые преступления, связанные с распространением заведомо ложной общественно значимой информации, характеризуются общим субъектом и наступлением уголовной ответственности с шестнадцатилетнего возраста. В то же время заведомо ложное сообщение об акте терроризма влечет уголовную ответственность уже по достижении лицом четырнадцатилетнего возраста. По нашему мнению, такая разница является объяснимой и обоснованной, поскольку изучаемые преступления отличаются довольно сложной социально-юридической сущностью. При этом в данном ряду выделяется заведомо ложное сообщение об акте терроризма – такое общественно опасное деяние является весьма распространенным и вполне понятным для надлежащего его уяснения по достижении лицом четырнадцатилетнего возраста.

В составах общественно опасных деяний, запрещенных ст. 207¹, 207² и 207³ УК РФ, факультативные признаки субъективной стороны в числе обязательных отсутствуют. При этом экстремистские мотивы фигурируют в качестве квалифицирующих признаков преступления, предусмотренного ст. 207³ УК РФ (п. «д» ч. 2). В то же время для состава заведомо ложного сообщения об акте терроризма мотив и цель выступают в качестве конструктивных признаков. Так, обязательным признаком преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 207 УК РФ, является мотив хулиганских побуждений, а преступления, квалифицируемого по ч. 3 ст. 207 УК РФ, – цель дестабилизации деятельности органов власти.

Заведомо ложное сообщение об акте терроризма может выглядеть как публичное распространение такой информации под видом достоверной. Очевидно, что такая информация может быть идентифицирована в качестве информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан. В связи с этим в содеянном могут одновременно усматриваться признаки составов преступлений, предусмотренных ст. 207 и 207¹ УК РФ. В то же время применение данных норм по совокупности недопустимо, поскольку это будет нарушением принципа справедливости, исключающего возможность двойной уголовно-правовой оценки одного деяния. Выбор в этом случае

надлежит сделать в пользу нормы об ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма, так как в ней детализирован предмет преступления – это общественно значимая информация о предстоящем взрыве, поджоге и т. п. Кроме того, состав заведомо ложного сообщения об акте терроризма охватывает своим содержанием хулиганские побуждения либо цель дестабилизации деятельности органов власти, а в преступлении, предусмотренном ст. 207¹ УК РФ, такие признаки отсутствуют.

Норма, закрепленная в ст. 207³ УК РФ, является специальной по отношению к ст. 207¹ УК РФ, поскольку в ней детализированы признаки предмета преступления. При этом она не находится в отношениях конкуренции со ст. 207 УК РФ. Объясняется это тем, что признаки соответствующей распространяемой информации в данном случае не пересекаются.

Целеполагание выступает основным различительным признаком угрозы совершения террористического акта и заведомо ложного сообщения об акте терроризма. При наличии цели понуждения органов власти к каким-либо действиям содеянное может образовывать признаки состава террористического акта в форме угрозы его совершения, а при наличии цели дестабилизации деятельности органов власти – состава заведомо ложного сообщения об акте терроризма. При этом данный вывод подвергается критике, поскольку такое квалификационное решение, хотя и соответствует букве закона, является дискуссионным с позиции его социально-правовой обоснованности. Совершенно очевидно, что угроза совершения террористического акта в целях дестабилизации деятельности органов власти не должна квалифицироваться в качестве заведомо ложного сообщения об акте терроризма. По своим юридическим характеристикам такое деяние приближено к террористическому акту в форме угрозы совершения соответствующих действий.

Несмотря на возможность полного совпадения предмета преступления и его объективной стороны, а также субъективных признаков, уголовно-правовые нормы, предусмотренные ст. 207³ УК РФ и ст. 280³ УК РФ, не могут быть признаны находящимися в отношениях конкуренции, поскольку данные преступления посягают на разные объекты правовой охраны. Они не соотносятся как часть и целое, а также не образуют признаков конкуренции общей и специальной нормы. Дискредитация и распространение заведомо ложной информации имеют совершенно различное социально-правовое содержание. Не случайно законодатель поместил исследуемые уголовно-правовые предписания в разные разделы УК РФ. На основании изложенного преступления, предусмотренные ст. 207³ УК РФ и ст. 280³ УК РФ, при одновременном наличии совпадающих признаков подлежат квалификации по совокупности. Причем вполне допустима констатация идеальной совокупности преступлений, когда одно деяние образует признаки двух составов преступлений.

Во втором параграфе *«Перспективные направления оптимизации отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления, связанные с распространением заведомо ложной общественно значимой информации»* обосновано, что новые нормы уголовного закона о данных преступлениях принимались весьма спешно, что было вызвано

объективной необходимостью скорейшего реагирования на общественно опасные проявления, связанные с распространением заведомо ложной общественно значимой информации. В этих условиях в работе сделан вывод о неисчерпанном потенциале для оптимизации рассматриваемых уголовно-правовых предписаний.

В условиях указания на заведомую ложность распространяемых сведений вопросы придания правдоподобности не имеют существенного влияния на восприятие ее адресатами. А в случае с преступлением, предусмотренным ст. 207² УК РФ, это обстоятельство имеет еще меньшее значение, поскольку конструктивным признаком данного состава преступления выступают общественно опасные последствия в виде причинения тяжких последствий. Соответственно, если деяние повлекло такие последствия, то придавался ли достоверный вид информации или не придавался, очевидно, не имеет значения. В то же время наличие признаков придания достоверного вида распространяемой информации усложняет практику применения анализируемых уголовно-правовых запретов, которые в силу ряда обстоятельств весьма трудны для квалификации.

Обосновано предложение о закреплении исследуемых однородных предписаний в едином уголовно-правовом запрете, так как это будет способствовать формированию системных мер уголовно-правового противодействия преступлениям. Смежные уголовно-правовые нормы могут быть закреплены в едином предписании при соблюдении ряда общих условий, в числе которых однородность деяний, наличие у них единого видового объекта, близость по качественным и количественным характеристикам общественной опасности, сохранение изначального смысла объединяемых уголовно-правовых запретов. Изложенные условия соблюдаются при конструировании единой уголовно-правовой нормы об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации, которая может прийти на смену уголовно-правовым нормам, предусмотренным ст. 207¹–207³ УК РФ.

Целесообразность унификации данных предписаний подтверждается их уголовно-правовой характеристикой, свидетельствующей о том, что каждое из перечисленных преступлений представляет собой частный случай публичного распространения заведомо ложной общественно значимой информации. Их отличительными особенностями являются предмет преступления (различные типы информации) и некоторые признаки объективной стороны, которые могут быть сохранены в единой уголовно-правовой норме.

Диспозиция разработанной единой уголовно-правовой нормы об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации предлагается в следующем виде:

«Статья 207¹. Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации

1. Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, создавшее угрозу наступления тяжких последствий, – ...

2. То же деяние, совершенное:

а) лицом с использованием своего служебного положения;

б) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, – ...

3. Деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, если они повлекли по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия, – ...».

Одновременно ст. 207² и 207³ УК РФ потребуется исключить из российского уголовного законодательства.

Смещение террористического акта и угрозы его совершения в рамках одной нормы уголовного закона (ч. 1 ст. 205 УК РФ) является неоправданным. В УК РФ имеются примеры обоснованной дифференциации ответственности за конкретное деяние и угрозу его совершения. По такому же принципу целесообразно дифференцировать ответственность и за совершение террористического акта. Одновременно следует исключить возможность применения нормы об ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма в ситуациях угрозы совершения террористического акта в целях дестабилизации деятельности органов государственной власти.

Помимо этого, требуется корректировка редакции ст. 207 УК РФ в целях устранения неоправданного сужения объема действия этой нормы за счет указания в качестве составообразующего признака на мотив – хулиганские побуждения (ч. 1) или цель – дестабилизацию деятельности органов власти (ч. 3). Одновременно в изменении нуждается существующая законодательная конструкция ч. 2 ст. 207 УК РФ, в соответствии с которой квалифицирующие признаки в виде совершения данного преступления в отношении объектов социальной инфраструктуры либо с причинением крупного ущерба относятся только к преступлению, регламентированному ч. 1 ст. 207 УК РФ.

В итоге нами предлагается следующая редакция ст. 207 УК РФ:

«Статья 207. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма

1. Заведомо ложное сообщение о готовящихся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, – ...

2. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное из хулиганских побуждений, – ...

3. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное в целях дестабилизации деятельности органов власти, – ...

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, совершенные в отношении объектов социальной инфраструктуры либо повлекшие причинение крупного ущерба, – ...

5. Деяния, предусмотренные частями первой, второй, третьей или четвертой настоящей статьи, повлекшие по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия, – ...».

В **заключении** изложены итоги выполненного исследования, сформулированы рекомендации по совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения, обозначены перспективы дальнейшей разработки темы.

В **приложении** приведены данные опроса сотрудников правоохранительных органов.

Основные научные положения и выводы диссертационного исследования опубликованы в следующих работах (общим объемом 7,8 п. л.):

Научные статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России:

1. Ильяшенко, Е.А. Объект состава заведомо ложного сообщения об акте терроризма / Е.А. Ильяшенко // Философия права. – 2021. – № 4. – С. 84–88 (0,6 п. л.).
2. Ильяшенко, Е.А. Уголовно-правовая характеристика публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан / Е.А. Ильяшенко // Юрист-Правоведъ. – 2022. – № 4. – С. 187–191 (0,6 п. л.).
3. Ильяшенко, Е.А. Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия / Е.А. Ильяшенко // Российский следователь. – 2023. – № 5. – С. 20–23 (0,5 п. л.).
4. Ильяшенко, Е.А. Разграничение преступлений, связанных с распространением заведомо ложной общественно значимой информации / Е.А. Ильяшенко // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2023. – № 3. – С. 42–48 (0,8 п. л.).
5. Ильяшенко, Е.А. Общественно значимая информация как предмет преступлений против общественной безопасности / Е.А. Ильяшенко // Российский следователь. – 2024. – № 6. – С. 15–17 (0,4 п. л.).
6. Ильяшенко, Е.А. Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера, применяемая к лицам, совершившим преступления, связанные с распространением заведомо ложной информации о Вооруженных силах и войсках национальной гвардии Российской Федерации / Е.А. Ильяшенко // Юрист-Правоведъ. – 2024. – № 4. – С. 124–128 (0,6 п. л.).
7. Ильяшенко, Е.А. Преступления, связанные с распространением заведомо ложной общественно значимой информации: отдельные вопросы разграничения / Е.А. Ильяшенко // Российский следователь. – 2025. – № 2. – С. 51–54 (0,5 п. л.).
8. Ильяшенко, Е.А. Перспективные направления оптимизации отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления, связанные с распространением заведомо ложной общественно значимой информации / Е.А. Ильяшенко // Союз криминалистов и криминологов. – 2025. – № 1. – С. 56–60 (0,6 п. л.).
9. Ильяшенко, Е.А. Уголовная ответственность за распространение заведомо ложной общественно значимой информации по законодательству стран ближнего зарубежья / Е.А. Ильяшенко // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2025. – Т. 16. – № 1. – С. 83–87 (0,6 п. л.).

Научные статьи, опубликованные в иных изданиях:

10. Ильяшенко, Е.А. Общественная опасность распространения заведомо ложной социально значимой информации / Е.А. Ильяшенко // Государство и право: проблемы и перспективы совершенствования: сборник научных трудов IV Международной научной конференции / отв. ред. А.А. Горохов. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. – С. 268–272 (0,3 п. л.).

11. Ильяшенко, Е.А. Предмет состава публичного распространения заведомо ложной информации об опасности / Е.А. Ильяшенко // Уголовное право в системе межотраслевых связей: проблемы теории и правоприменения: материалы XIII Российского конгресса уголовного права, 26–27 мая 2022 г. – М.: Юрлитинформ, 2022. – С. 208–211 (0,3 п. л.).

12. Ильяшенко, Е.А. Дифференциация уголовной ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма / Е.А. Ильяшенко // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона (к 100-летию Верховного Суда Российской Федерации): сборник материалов X Международной научно-практической конференции / отв. ред. А.В. Бриллиантов. – М.: РГУП, 2023. – С. 191–195 (0,3 п. л.).

13. Ильяшенко, Е.А. Историко-правовой анализ развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации / Е.А. Ильяшенко // Институциональные основы уголовного права Российской Федерации: к 70-летию юбилею профессора В.П. Коняхина: материалы Международной научно-практической конференции, 1–2 февраля 2024 г. / отв. ред. В.П. Коняхин и М.Л. Прохорова. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2024. – С. 454–458 (0,4 п. л.).

14. Ильяшенко, Е.А. Общественная опасность и иные критерии разграничения преступлений, предусмотренных статьями 207.3 и 280.3 Уголовного кодекса Российской Федерации / Е.А. Ильяшенко // Общественная опасность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: материалы XIV Российского конгресса уголовного права, 30–31 мая 2024 г. – М.: Юрлитинформ, 2024. – С. 212–216 (0,3 п. л.).

15. Ильяшенко, Е.А. Уголовная и административная ответственность за распространение заведомо ложной общественно значимой информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан: проблемы межотраслевого разграничения / Е.А. Ильяшенко // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: сборник материалов XI Международной научно-практической конференции / отв. ред. А.В. Бриллиантов. – М.: РГУП, 2024. – С. 133–138 (0,3 п. л.).

16. Ильяшенко, Е.А. Квалифицированные виды состава преступления, связанного с распространением заведомо ложной информации о Вооруженных Силах Российской Федерации / Е.А. Ильяшенко // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. – 2024. – № 3. – М.: Проспект, 2024. – С. 126–132 (0,4 п. л.).

17. Ильяшенко, Е.А. Уголовно-правовой запрет заведомо ложного сообщения об акте терроризма как средство обеспечения национальной безопасности / Е.А. Ильяшенко // Уголовная политика на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора Г.А. Аванесова: в 2 ч. / под общ. ред. А.В. Победкина. – М.: Академия управления МВД России, 2024. – Ч. 2. – С. 125–129 (0,3 п. л.).